

Нет автора

**Отчет о 29-м присуждении учрежденных П.Н.
Демидовым наград**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 29-м присуждении учрежденных П.Н. Демидовым наград / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 214 с.

ISBN 978-5-458-00280-6

ISBN 978-5-458-00280-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

GENERAL BOOKBINDING CO.
80 49ST 53 005 S
QUALITY CONTROL MARK

2085

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ИЗВЪСТНЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

АКАДЕМИКОМЪ В. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ,

16 юня 1860 года.

На XXIX-е соисканіе Демидовскихъ наградъ поступило 39 сочиненій; изъ этого числа 37 были представлены самими авторами, а два внесены членами Академіи. 26 изъ нихъ были разсмотрѣны въ нашей собственной средѣ, а прочія 12 — посторонними учеными, по приглашенію Академіи.

Коммиссію, которой, по порученію конференціи и на основаніи Положенія о наградахъ, было поручено присужденіе премій, составляли, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, Гг. Академики: А. Я. Купферъ, К. М. Бэръ, А. Х. Востоковъ, М. И. Броссе, Л. Э. Стефани, И. И. Срезневскій, О. Н. Бетлингъ, Я. К. Гротъ, Ф. И. Видеманъ, А. А. Куникъ, А. А. Шифнеръ и А. К. Наукъ. По сравнительномъ обсужденіи состязавшихся сочиненій, признаны достойными полныхъ премій два, и половинныхъ премій — семь сочиненій.

I.

Первая большая премія присуждена Доктору Николаю Ивановичу Пирогову, за его сочиненіе:

ANATOMIE TOPOGRAPHICA SECTIIONIBUS PER CORPUS HUMANUM
CONGELATUM TRIPlici DIRECTIONE DUCTIS ILLUSTRATA.
(Ретворолі 1859. XIV. 248, 90 и 168 стр. б. 8, съ
атласомъ литографированныхъ рисунковъ).

Этотъ многолѣтній трудъ знаменитаго нашего врача-хирурга былъ внесенъ въ конкурсъ Академикомъ К. М. Баромъ, который представилъ и оцѣнку его съ точки зрѣнія современнаго положенія анатоміи.

Съ тѣхъ поръ, какъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія, Везалій поколебалъ авторитетъ Галена, болѣе и болѣе стало укореняться убѣжденіе въ томъ, что первая потребность врачебной науки состоитъ въ точномъ познаніи строенія человѣческаго тѣла. Сознаніе этой потребности породило многочисленныя анатомическія изслѣдованія, при которыхъ были необходимы изображенія, такъ какъ никакое описаніе не можетъ дать яснаго понятія о формѣ различныхъ частей тѣла. Но эти изображенія, хотя о нихъ и говорилось, что они были срисованы съ натуры, вовсе не представляли положенія частей въ живомъ тѣлѣ: это были изображенія собственно препаратовъ, т. е. представляли части, искусственно отдѣленные отъ цѣлаго организма. Очевидно, что такое изолированіе изображаемаго органа, сообразно съ различными цѣлями, было первою настоятельною потребностью науки, потому что безъ него вовсе нельзя было достигнуть познанія общей связи такихъ многосложныхъ системъ, какъ сосудистая и нервная. Но этотъ способъ изображенія былъ доведенъ до такой крайности, что, особенно въ XVII-мъ столѣтіи, всѣ части, которыя сами по себѣ не слишкомъ массивны или тверды, изображались какъ бы лежащими на доскѣ. Такое изображеніе препаратовъ,

конечно, не могло объяснить ихъ положенія въ тѣлѣ. Хотя съ XVIII столѣтія начали болѣе сознавать необходимость представлять также и взаимное положеніе частей; однако, для достиженія этого являлись особыя трудности, зависѣвшія отъ сущности дѣла. Предметы лежатъ внутри тѣла, котораго отдѣльныя части закрываютъ собою одна другую, а изображеніе дѣлалось на плоскости. Нѣкоторые изслѣдователи, соединявшіе въ себѣ анатомическія познанія съ художническимъ талантомъ, имѣли въ виду изобразить хотя и на плоскости, однако согласно съ природою, нѣкоторыя части; напр. какъ сдѣлалъ это Албинъ, относительно мускуловъ, а безсмертный Земмерингъ, относительно органовъ чувствъ; но этого нельзя было примѣнить къ болѣе сложнымъ системамъ. Другіе, особенно въ Италиі, старались представлять изъ воска или другихъ мягкихъ веществъ все строеніе тѣла человѣческаго; но такіе пластическіе препараты, и даже новѣйшіе Француза Озу (Auzoux), обходятся слишкомъ дорого и потому не могутъ быть въ общемъ употребленіи. Между тѣмъ, надобность уяснить себѣ, при разныхъ случаяхъ, положеніе какой либо части тѣла весьма велика, особенно для хирурга. Можно быть хорошимъ анатомомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. знать соотношенія между собою частей тѣла и ихъ формы, и однакожь, въ случаѣ хирургической операціи, не знать въ какомъ именно мѣстѣ слѣдуетъ искать перерѣзанныя артеріи и нервы, изъ коихъ первыя нужно немедленно послѣ операціи перевязать, а послѣдніе при этой перевязкѣ предохранить отъ давленія. Но еще труднѣе узнать, какія именно части поражены въ случаѣ глубокихъ ранъ.

Для удовлетворенія этой — то потребности возникла, въ нынѣшнемъ столѣтіи, такъ называемая *хирургическая анатомія*, т. е. стали изображать положеніе всѣхъ частей, которыя были поражены по обычнымъ методамъ хирургическихъ операцій. Изображали на бумагѣ то, что оказывалъ разрѣзъ раны, предполагая извѣстными связь частей, ихъ продолженіе и такъ далѣе. Эта хирургическая или топографическая анатомія не

встрѣчала затрудненій, пока дѣло шло объ оконечностяхъ тѣла; но затруднялась, когда нужно было для физиологическихъ или хирургическихъ цѣлей опредѣлить положеніе частей въ грудной или брюшной полостяхъ. Эти полости при жизни человѣка совсѣмъ закрыты, и чтобы получить объ нихъ понятіе на трупѣ, надобно вскрыть ихъ какимъ нибудь образомъ, а между тѣмъ уже отъ прикосновенія воздуха значительно измѣняется ихъ положеніе. Поэтому долго ограничивались только отдѣльными и немногими попытками изобразить, сообразно съ натурою, положеніе внутренностей въ большихъ полостяхъ. Только въ 1844 году Гушке впервые изобразилъ цѣлый рядъ разрѣзовъ чрезъ все тѣло человѣческое. Но какъ части не были напередъ закрѣплены, то нельзя было знать, какое вліяніе на расположеніе частей въ большихъ полостяхъ произведено было проникшимъ въ нихъ воздухомъ.

Еще до появленія труда Гушке, Г. Пироговъ попалъ на счастливую мысль для вѣрнаго изображенія суставовъ оконечностей замораживать ихъ, приведши ихъ напередъ на трупѣ въ требуемое положеніе. Объ этомъ было доведено имъ до свѣдѣнія Академіи въ конкурсѣ 1843 года. Не остановясь на томъ, онъ, въ послѣдствіи времени, примѣнилъ тотъ же самый способъ ко всему тѣлу человѣческому. Распиливая замороженные трупы въ многочисленныхъ параллельныхъ разрѣзахъ посредствомъ колесообразной пилы по тремъ главнымъ направленіямъ, онъ съ математическою точностью срисовывалъ разрѣзы помощью разграфленныхъ на квадраты стеколь и такой же бумаги. Въ иныхъ случаяхъ, гдѣ требовалось точнѣе опредѣлить соприкосновенія частей, онъ прибѣгалъ еще къ другому способу, который онъ называетъ анатомическою скульптурою, а именно выдалбливалъ рѣзцомъ и молоткомъ изъ льда отдѣльныя части для обозрѣнія того пространства, какое онѣ занимали собою. Такимъ образомъ, въ продолженіе 9 или 10 лѣтъ, онъ составилъ 218 таблицъ новыхъ изображеній, къ которымъ присовокупилъ еще историческую таблицу, съ изображеніемъ немногихъ разрѣзовъ, сдѣлан-

ныхъ и нарисованныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Всѣ изображенія раздѣлены на четыре тетради, изъ которыхъ первая посвящена рисункамъ головы, вторая — такъ называемымъ большимъ разрѣзамъ, третья — брюшной полости, и четвертая — оконечностямъ тѣла; сверхъ того, для поясненія рисунковъ и встрѣчающихся на нихъ литеръ приданъ особый текстъ.

Трудъ Г. Пирогова необходимъ для каждаго хирурга и анатома и доставитъ имъ въ безчисленныхъ случаяхъ важное поученіе. Нѣкоторые изъ его выводовъ совершенно новы и могли быть достигнуты только тѣмъ оригинальнымъ путемъ, который онъ избралъ. Такъ весьма поучительно и ново то, что авторъ говоритъ о первомъ шейномъ позвонкѣ въ разныхъ положеніяхъ головы, а равно о видѣ полости рта и о направленіи надгортанной хрящевой крышечки, о настоящей формѣ изгибовъ позвоночнаго столба и о положеніи таза. Для объясненія себѣ такихъ предметовъ замораживаніе всего тѣла есть несомнѣнно вѣрнѣйшее средство. Далѣе, этому же способу авторъ обязанъ тѣмъ результатомъ, который онъ самъ считаетъ важнѣйшимъ, а именно, что во всемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного пустаго или наполненнаго воздухомъ пространства, за исключеніемъ тѣхъ отверстій, которыя выходятъ наружу, какъ-то дыхательнаго горла, носа съ побочными его полостями и т. д.; а равно и то, что въ каналахъ, которые не растянуты, какъ выше-сказанные, костями или хрящами, въ здоровомъ состояніи и когда они вмѣщаютъ въ себѣ постороннія вещества, внутренніе покровы такъ стягиваются въ складки, что наполненное слизью пространство сокращается до возможно меньшаго предѣла.

Трудъ Г. Пирогова приноситъ наукѣ и другія обогащенія, добытыя не однимъ процессомъ замораживанія, а еще многочисленностью операций и продолжительностью наблюденій. Сюда относятся весьма сложныя побочныя полости носа, которыя нигдѣ не изображены съ такою полнотою, и волокнистыхъ отдѣ-

ленийъ мышцъ, которыя уже прежде были предметомъ изслѣдованій автора, но здѣсь ближе разсмотрѣны на шеѣ и затылкѣ. Наибольшая же заслуга автора состояла въ томъ, что онъ попалъ на гениальную мысль воспользоваться нашимъ сѣвернымъ морозомъ для разрѣшенія важныхъ вопросовъ науки и обогащенія нашихъ анатомическихъ познаній.

Въ концѣ своей рецензій Р. Бэръ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ относительно разбираемаго имъ сочиненія. Въ 1853 году Г. Пироговъ послалъ въ Парижъ первые тогда готовые рисунки свои члену тамошней Академіи Флурану, который нашелъ ихъ столь важными, что 19 сентября тогоже года заявилъ ихъ и методу изслѣдованія Академіи. Спустя три года нѣкто Лежандръ представилъ Парижской Академіи нѣсколько снятыхъ тѣмъ же способомъ разрѣзовъ замороженныхъ кадаверовъ и 2 февраля 1857 г. получилъ за то Монтионовскую премію, а между тѣмъ не было упомянуто ни слова о томъ, что первая мысль замораживать тѣла для анатомическихъ изслѣдованій принадлежитъ Г. Пирогову.

II.

Вторая большая премія присуждена сочиненію изъ области наукъ юридическихъ:

Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ судейника до учрежденія о губерніяхъ. Сочиненіе Ѳ. Дмитріева Москва 1859. 580 и 4 стр. въ 8 д.

Рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій, появившихся въ послѣднее время по части исторіи Русскаго права, нынѣ умножается такимъ трудомъ, который можно признать истиннымъ обогащеніемъ науки. Рецензентъ, которому было поручено

разсмотрѣніе его, — Николай Васильевич Калачовъ, развилъ въ подробномъ и безпристрастномъ разборѣ все его значеніе и то вліяніе, какое можно ожидать отъ него на будущую обработку какъ исторіи Русскаго права, такъ и отечественной юридической литературы вообще. «Если бы, говоритъ онъ, могло быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что изученіе и разработка юридического быта древней Россіи уже успѣли занять у насъ надлежащее мѣсто въ наукѣ, то оно вполне устраняется замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіемъ Г. Дмитріева, представленнымъ въ настоящій конкурсъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудолюбіе и даровитость автора такъ счастливо отвѣчаютъ въ этомъ трудѣ съ одной стороны богатому матеріалу, приготовленному заботами Правительства и частныхъ лицъ для ученой дѣятельности въ области исторіи Русскаго права, а съ другой — современнымъ требованіемъ, что его нельзя не признать произведеніемъ, начинающимъ собою рядъ изслѣдованій, предназначенныхъ внести живительное начало науки въ занятія и работы нашихъ практическихъ юристовъ».

Самъ авторъ, впрочемъ, кажется не имѣлъ о своемъ трудѣ такого высокаго понятія, и хотя въ концѣ своей книги намекаетъ на важное значеніе историческихъ изысканій по части русскаго судопроизводства, и говоритъ, что они «могутъ со временемъ имѣть благотворное вліяніе на самую практику, которая только въ сближеніи съ наукою заимствуетъ новыя силы», однако, въ предисловіи, съ скромностью изъясняется, что имѣлъ только цѣлью «прослѣдить *въ главныхъ чертахъ* тѣ перемѣны, которыя происходили въ русскомъ процессѣ подъ вліяніемъ развитія государства, и тѣмъ опредѣлить, хотя поверхностно, сходство ихъ или различіе съ исторіею судопроизводства на западѣ.»

Вообще, по предназначенному авторомъ плану, здѣсь не должно ожидать полной картины стариннаго юридического быта Россіи; это лишь *очерки* исторіи Русскаго права въ три самые замѣчательные вѣка. Принимая три эпохи: Судебникъ Царя Ивана IV Васильевича 1550, Уложеніе Царя Алексѣя

Михайловича и преобразованія Петра Великаго и его преемниковъ, авторъ дѣлитъ свой трудъ на три отдѣла, изъ которыхъ первый представляетъ картину судоустройства и судопроизводства въ Россіи отъ половины XVI до половины XVII вѣка, второй объемлетъ съ небольшимъ тридцатилѣтіе, а третій — опять цѣлыхъ сто лѣтъ. Съ наибольшею полнотою обработанъ первый отдѣлъ, т. е. главы 1-я и 2-я, судоустройство и судопроизводство въ эпоху Судебника — на 297 страницахъ, а прочіе отдѣлы соразмѣрно гораздо сжатѣе: главы 3-я и 4-я, судоустройство и судопроизводство въ эпоху Уложенія на 142 страницахъ, а 5-я и 6-я, преобразованія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, около ста страницъ. Но въ этой неполногѣ двухъ послѣднихъ отдѣловъ нельзя собственно винить автора, а скорѣе слѣдуетъ ее приписать скудости матеріаловъ XVIII вѣка, которые ему были доступны и къ изданію которыхъ у насъ еще почти вовсе не приступали. Довольно того, что авторъ разработалъ исторію судоустройства и судопроизводства въ XVII вѣкѣ съ такою подробностью, что уяснилъ ее во всѣхъ частностяхъ и могъ предложить читателю какъ общія черты, извлеченныя имъ изъ внимательнаго разбора источниковъ, такъ и отдѣльные выводы, служащіе къ уразумѣнію дальнѣйшаго движенія законодательства и практики и подтверждающіе собою добытые имъ въ предъидущихъ главахъ результаты юридическаго развитія жизни народной.

Рецензентъ находитъ, что разбираемая имъ книга даетъ гораздо болѣе, чѣмъ заявлено тѣснымъ ея заглавіемъ; она не ограничивается разсмотрѣніемъ однихъ судебныхъ учреждений, въ соединеніи ихъ съ значеніемъ и порядкомъ апелляцій; напротивъ того, оба эти предмета изслѣдованія связываются имъ всюду съ системою управленія и со всею обстановкою и принадлежностями суда, отъ зарожденія иска до окончательнаго его рѣшенія. Въстѣ съ тѣмъ авторъ, уясняя и самыя формы процесса, представляетъ болѣе или менѣе полную картину судоустройства и судопроизводства въ до Петровской Россіи.